

СЧАСТЛИВАЯ СТАРОСТЬ

Пашка крестом лежал на кровати и крыл сватовъёв на чём свет стоит.

..Навязались на мою голову! Штоб вся ваша родова до сьдмowego колена поносом изошла!

Жаба в рот мужику! Всё утро не затыкатца, распучило бы тебя от вина-то!..

Но Наде слова ништо не давал. Она молчком прибрала молоко, перемыла посудёнку, подмела в избе. Хоть на край света беги – лишь бы не слышать этово гнусину.

Поглядела в окошко – на своей лавочке сидела Настасья. Вышла к ней:

Здорова живёшь, тётушка!

Да ничаво... шапёрюсь тихоньку... Вы ково подельваете?

Осенью работы хватат. Присесь нековды.

Картошки ишшо не рыли?

- Дак роем с краю-то... Оне нонче вѣбухали какэсь с ребячью голову как гнездо, так ведро! Вечор кули спускала в пополье да запястье наджабила. Сѣдни никово в руку взять не могу. Не знаю, хто докапывать будет..

Мужика гони в огород, зима-то долга. Ково ись будет – он не шибко тебе припасат...

То и есь.. Припаситель... Хотела сѣдни поране на Ёрму съездить по рыжики, дак сам-от опеть в худых душах. Вчерась нажабался, счас лежит, орокат. Боле-то приставлятца, стыдно роже-то. Не сѣдни-завтре утренники ударят, рыжики околеют. Опеть без соленины останемся..

То я гляжу, бытто глаза у тебя невесёлы. Думаю, может померешилось мне.

- Зѣпил опеть... Неделю не просыхат... А пьянай сама знашь он какой... Вечор сватовья пришли в баню. Мы-то в первой жар сходили. Я ужну направила, всё чин-чинарём. Докуль те из бани вышли – мой уж чуть тёпленький! Ковды успел?! Сяли за стол, вот он буровит и буровит, всяку всечину собирает .. Сват ишо с ним выпить отказался, он и вызверился! Расстырили вить, малёнька до кулаков дело не дошло..

Я со стыда было сгорела, а ему хоть бы хны! Утром соскочил, да как ни в чем не бывало побежал к ним опохмелятца! До чево хитёр приставился, бытто никово не помлит... А сваття, не будь дурой, не

то што в избу - в ворота ево не пустила... Прибежал домой што ошпареный! В четверти стояли ишо одёнки пива - всё выхлебал... Вот и хожу по ограде, задёлле ишшу... Дратца-то он не дерётца.. Дак вить это ботало языком мелет - слушать гадко!

- Дак пошли ко мне. Отдохни. Чаю согрем да поразговаривам. Мне от ребят третьёводни посылка пришла. Всё ругаюсь, почево отправляют? Шмутья своёво хватат, мне уж вного ли нады? Всё есь. Дак оне заместо лóпати полон яшшик сластёй наклали... Федя-то приписал, мол зови Надю, чайку попьёте, всё веселе, чем одной сидеть.

- Гляжу на тебя, тётка Настасья, малённе с екими-то дитя́ми. И не пьют, и работяшши (дай Бог здоровья), и тебя не забывают даром што далёко живут. Дивья тебе, как сыр в масле катася.

- Дак оне счево помогать-ту не будут? Больши уж были, как без отца-то остались. Видели, што мне спать нековды было, всё копейку зарабатывала. Вот и жалеют меня.

Да не все стариков-ту жалеют... Далёко не все... Эвон, Таня с Варюшей тоже своих девок без мужиков рóстили... А счас по всему лету выглядывают - не ихны ли с пристани идут? Можеть хочь ребят на лето привезут суды.. Не-е-ет... По морям не забывают кататца, а к матеря́м дороги нету...

Настасья оправила косынку, согласно покачала головой:

Дак, родима, докуль оне все на глазах - об этим вить не думаешь... Мне уж грех плакать, не забывают. Дак и то думаю, переехал бы хто ко мне, куды бы лучше-то? Оне вить скрось с собой зовут - поехали, да поехали. Я уж всяко передумала.

Так-то так. А всё ж даки, дай нам Бох всем таку старось, как у тебя. Да тако уваженне от сыновьев.

ТИЛИ-ТИЛИ ТЕСТО...

Палагея третий день колола дрова. Третий день тюкалась.

Здумала сэкономить, мол к зиме-то и сама тихоньку переколю. За перву чурку взялась прытко. До другой дело дошло толька назавтре. Ну Пашка, ну племянник! Не паразит ли? Нарачи вить выбрал. Одне сучья! Да сырушши. Топор-от взнет, выташшить неможно́. Колка подавалась туго. За три дни исколола шесь чурок. Осталась без рук и плюнула. Придётца раззоритца на бутылку белой, да позвать каковонить тунеядца.

Сходить ли чё ли, перехватить маленька, да отдохнуть..

Лешай на, чайник-от на плите простыл. Придётся железну печку подтопить. Без горечевы не вного набёгашь. И так уж ноги не носят.

Откинула полог, достала с печи лучину. В малировану чашку плеснула вчерашных штей, сунула на печку. Из битончика под столом зачерпнула сметанки. Отрушала краюху хлебца.

Докуль шаперилась да направляля бытто охота было поись...

Да, паря, давно ли челяди полна изба была?! За стол-то сядут, дак успевай подавай. Да все добры ребята-то, все работяши. Куды бы ни отправил, бегут вперегонки, не оговариваютца. Жили бы дома, дак разе бы оне допустили мать ко дровам? За три-то дни не одну бы поленицу набухали.

Чё бытто плачу? Не сама ли заставляла учитца-то? Кажин день приговаривала, мол мы с отцом всю жись в навозе копошимся, дак хоч вы учётесь ладом. Можеть не будете по-нашему-то мантулить. Оне как словом, так и делом, школу кончили толька их и видела! И сам, Матвей-от, не обробел, убрался в Монастырь. Двенадцатый годок в сырой земле лежит. Вот и договорила: сiju одна в избе, што бухретка. Кукую. По-первости-то все глаза выплакала...

Вай! Кто это там мимо избы-то прошел? Подбежала к окошку паря, наш бригадир. Он это с кем идет? Незнакомый... не наш чей-то... Но-ка я побегу, обреву их не добрай ли какой мужик-от. Чё што приежжай.

Митрофанович, той-ка! Далёко идёшь?

Фёдор остановился:

Да вот, в сельсовет направились. У тебя ничё не стряслось?

- Ничё не стряслось, слава бох. Спросить хотела у тебя слободных-ту мужиков нонче нету? Ну таких, штоб не шибко вино пили?

Попутчик Федора ушагал вперёд, потом приостановился. А как увидал, што тот беседует, воротился. Палаше он поглянулся ишшо сыздале. Ишь, какой форсистый, сразу и не скажешь, што шарамыга сосланный. Да на это чё глядеть-то? Оне вить тоже всяки бывают. Она не успела ничё подумать, а язык вперёд мозгов выскочил:

Фёдор Митрофанович, а этово ишшо никуды не определил? Давай ево мне дня на два-на три. Дрова расколоть. Эти дни и столоватца у меня будет, Палагея повернулась к незнакомому, Не сумлевайся, я не обижу кормить сытно буду и улпачу хорошо. Хоть деньгами, хоть вином.

Бригадир было отворил рот, да приежжий остановил:

А я согласный. Докуль оформлять будут, тут и поживу. Как тебя звать-величать, не выгонишь?

Не выгоню. Постелю тебе в сенях да и спи. Звать меня Палагея Ильинишна.

Меня Игнатом зови. Ну вот и познакомились. Шштай, што наняла меня. Еслив лопатина подходяшша найдётца, дак счас и останусь, подмигнул бригадиру, мол, не мешай.

Ударили по рукам. Фёдор собрался чё-то сказать, да Игнат перебил:

Ну, хозяйка, кажи дрова.

Нет уж, родимый, давай по-человечьи. Наперёд в избу зайди. Разболокайся, а я тебе штей подогрею докуль печка не простыла. Ись-то будешь?

Игнат живо откликнулся из-за полога, видать отошшал, горемыка, в дороге-то:

Не откажусь. Штей-то, наипаче со сметанкой, я бы похлебал. Дома некому варить. В основном на сухом пайке, казённым питаюсь.

В две минуты всё со стола смёл! Ране хозяин работников за столом и выбирал: ест хорошо дак и работать будет в охотку.

Рассиживатца не стал, вышел и сходу направился ко дровам.

Палаше охота поглядеть, как он работать будет. Выглянула в окошко. Гли-ка, в мужичьем-ту на городсково нисколь не находит, мужик и мужик. Ноги ладно стоят, широко. И топоришше в руке как влитое. Сам небольшой, сухошавый, а поленья-то хорошо отлетают.

Неловко стало, вроде как подглядывают за нём. Отошла. Заглянула в чигун штей ишшо на завтра хватит. В казёнке под рушником полон противень шанег Третьёводни ишшо стряпалась, а всё цело ись-то некому. В кобрегу всякой соленины полно. Обшем, ужну направлять ни к чему.. Пойду-ка я, пособию дрова складывать!

Двоём-ту работа скорей подаётца! Один колет, друга складывает. Дак он и ей успеват помогчи. А Палаша к этому непривышна. За неё сроду ништо работу не делал. Неловко ей как-то стало, маленька замешкалась, а тут Игнат передал ей полено. Палаша заторопилась, да дёрнула на себя. Игнат охнул, схватился за руку:

Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! - из пальца торчала занóзишша с пол-вершка.

Палаша заполошно бросилась выручать:

Ой, лешай на! Меня хто гнал? Не шавель рукой-то, не шавель, я счас выташшу, отстегнула с фартука пинку, ловко поддела занозу и выдернула её. Игнат охнуть не успел. А она не переставала хлопотать,

Я всё гляжу на тебя, Игнатий, да диву даюсь. Дёрни я у своёво Матвея эдак полено-то, дак он бы собрал всех богов с боженятами. Видать, ты не простой мужик-от, грамотный. Вишь как, пэрэсэтэ и всё!

Так и пошло. Позавтрикают идут на дрова. Пристанут саятца тут же, на чурки. Разговаривают. Кому скажи, сроду не поверят, што

Палашка по часу языком мелет. И вить ништо шибко не выпытывал, а она остановитца не может. Так-то подумать об чём ей рассказы-вать? Не хуже других жись прожила. Грех плакать.

У мамы с тятей одна росла, боле ребят бох нё дал. Тятя, царство небёсно, хороший был. Не ругательный. Уж шибко чё не по нему, дак и то, само большо закрихтит. А обо мне мря умирал. Отказу ни в чем не знала. Взамуж-от не голой выходила. Из скота с собой дали нетель полторогодовалу, свинку сўпоросну да куриц десяток. Из об-становки - койку с периной, с подушками и со всёй постелей. А уж одёжи дак полон сундук. Шуба нова была борчатка, пальто с бобро-вым воротом, доха да две теплушки. На ноги катанки с галошами да на выход чёсанки белы. Платьёв было толька буднишних пять ли шесть да два выходных. На голову надеть не перешшитать катеток! И цветисты, и клетчаты, и с тистями. И полушалки. Да две кашеми-ровы шали! К лету дак папенька из Кежем привёз босоножки да портс-менки. И Матвею-то хромовы сабоги сшили. Это уж штоб мне с му-жиком не стыдно было в люди выйти. Он вить сиротой рос. Маменька ево шибко жалела. А тятя никак не хотел за нево отдавать. Мол бирюк бирюком сперва молчит, а потом, глядишь, и поколачивать возь-мётца. Слава бох не угадал руку ни разу на меня не пódнял. Чево не было, тово не было. Можно сказать, што и не обижал, даром што молчун. А ребята ево побаивались. Он их в узде держал. Да как не забоишься? Ему и ругатца не надо было, толька начнёт сбуривать ис-подлобья у них в голове все вши умрут, нё то што чево. И бить не надо.

Чё греха таить? Он и со мной не шибко ласковый был. Матвей-то, не тем будь помянут, всё молчком да молчком. И у нево штоб над ухом ништо не зудел. Другой раз увижу, чё-то он неладно делат, а подска-зать боюся. К нему вить толька сунься с советами, сразу заревёт как припадошный: «Тебя не спросили, как делат!» Раз сказала, два ска-зала нет, он по своёму делат! Ну и лешак с тобой, как знашь. А моё дело сторона. И перестала лезти.

А Игнат-то разговариват, как с человеком. Ей скрывать нечево. Не заворовалась за руку ништо не поймал. Никому сроду не нагадила. С одним мужиком век прожила. Хулить не за што.

Ей об Игнате-то тоже охота узнать, да как-то неловко. Думат, чё он расскажет? Как отправили на поселенне?

И вот, сидят на чурочках. Разговаривают. Тут отворяютца воротá, заползат Матвеевна. Доковыляла до дровеника, поздоровалась:

Здорова, Палаша. И тебе, Игнат Ананьевич, доброво здоровья! Я вить к тебе, пособи́, ради христа. Не знаю, сколь ишшо в сельсовет

ходить. Со снохой совладать не могу, выживат вить меня из избы, будь она трижды проклята́. Как посадили Илюху, она и задичала. Водит всяких, нажабаютца вина дратца нады. А мне куды деватца? Но-чами не сплю, караулю хоть бы избы паперёсами не сожгли.

Палагея отворила рот. Вот дак здорово! Я ево на работу наняла, кормлю-пою как бездомново.. нарядила в старьё, обула в отопченки. Дак он хто, Игнат этот?

Ну-ка, баушка, давай начнём сначала. Рассказывай, как звать, где живёшь, хто обижат?

Матвеевна приободрилась, сяла против его на чурку.

Дак ты чё, не признал меня, ли чё ли? Ты вить в Кежмах-ту черезь заулок от моёй сестры сродной жил, от Аришки-то. Я вить напрохот туды летала, всё у ней останавливалась. С тобой здоровались.. Ну! Гляди пушше-то!

Игнат хлопнул себя по лбу:

А я думаю где видел?! Счас признал, тётка Надя. Дак это чё, твой Илья сидит?

Не бай, скоро год как в каталажке. Люськю свою выгораживал, а сам сял..

Дак счево Люськю-то? Я вить их обоих знал. Её не Раисой звали?

Раиса-то у нево перва была. Тоже мир не брал... До драки не раз дело доходило. Сам виноватый, тунеядничал. А она на работу гнала. Вынудил, паразит, разошлись. Ну и чё? Променял шило на мыло... Где он её надыбал, Люськю эту? Илюха до неё выпивать выпивал, ну не так штобы запивался, а она-то не пропускала! А пьяна баба, сам знашь сказать ничё нельзя, всё ей нелюбо. Мотовка, даром, што своими руками рубля не заработала. Ну и хлебнула я с ней!

Она Илюшке-то незаконна. Как ево посадили, её сразу с казённой фатеры и попёрли. Она ко мне явилась. Житья никакovo не даёт! Пьёт как пропастина. Да всё с мужиками, у самой-ту деньжонок нету. Счас опеть с каким-то схлеснулась. Дак уж моё взялись пропивать. Как руки не отсохнут, у старухи всё уташшили. Не поверишь, в кобрегу не то што нонешных — ланских запасов не остаётца! тётка Надя задрала подол, спустила чулок пониже колена, гли-ка и коленка и всё стегно синём-синё! Это вчерась. У ней вить у пьяной-то не все дома! А тут явилась, навеселе конешно, но не так штобы... Дай-ка я с ней поразговариваю. Должна же добры-то слова понять! Потерпи, говорю, маленька, умру мне с собой ничё не нады будет.. Всё вам останетца. А она хохочет, дескать ковды ты ишшо загнуёшься, а мне сёдни опохмелитца нечем. Вот вить кака курва! Подхватила стеклянку рыжиков солёных и в дверь. Я хватилась последни рыжики-то! Ты, говорю,

много их собирала? Но-ка, поставь счас же на место! Паря она не долго поворачивалась: «Подавись ты своими рыжиками!», да изо всёй силы как запузырит в меня стеклянкой-то! Спасибо, хоть не убила. Вот сволота навязалась на мою голову. Креста, говорю, на тебе нету. Отольютца тебе мои слёзы.. Дак с грехом пополам вытурила её...

Тётка Надя, а ты в милицию-то на неё заявляла?

- Я ково заявлю? Была бы грамотна, дак как бы не заявила. А ходить ходила, обсказывала минцанеру-то. Сроду бы не пошла, она меня вынудила. Дак я потом раздумалась: вот почево я её в избу-то пустила? Сама кругом и виновата. Милиция-то ни при чём...

Как это ни при чём? Хто за тебя заступитца, еслив не милиция? Люди специально на этом сидят, деньги получают. Давай договоримся - я с понедельника еслив дела примать буду, тожно и к тебе заверну. Всё обскажешь. И не сумлевайся.

Матвеевна призадумалась, потом махнула рукой:

- А чё мне на людей глядеть? Утре и приду! У пьяниц-то одна шайка-лейка! У этих хватит совести, за бутылку родну мать не пожалеют... Печёнкой чую, што добром не кончитца.

Старуха хотела сунуть Игнату узелок с яичками (за то, што выслушал, да за совет) побоялась, што осердитца. Заковыляла на выход. До самых ворот оглядывалась да кланялась.

А у Палаши язык к нёбу присох. Ради Христа, я на ково на́йчилась? Вот дак работник!

- Ну чё, Палагея Ильинишна, пошли чайку пошвыркам? Палаша моргнула, Мотри-ка, обыгалась.

Ладны, Игнат Ананьевич. Почаёвничам.

Она и на своёво-то хозяина не ругалась, а на чужово мужика много не наревёшь, хоть сколь сердися... Весь вечер в молчанку играли. Спала тоже худо. Утром кое-как сползла с койки, выходит на́избу, а Игнат уж за столом сидит. Чайник скипятил, чашки на столе стоят. Сам не пьёт, её дожидат.

Палаша, не сердись. Садись за стол. Спрашивай хоть об чём, всё обскажу, толька не дуйся, - не выдержал, заулыбался.

Палаша-то, если на ково и сердилась, дак на себя пошто никово об нём не узнала у бригадира-то? Но всё же не удержалась:

Ну и чё лыбишься? Э-э-э, смешно дураку, што рот на боку. Давай, завтрикай. А потом потолкуем.

Дак шибко и рассказывать-то нечево. В милиции всю жись отработал... Чё-то не верю, што про меня не слыхала. Я вить и по деревням ездил.

А я где услышу? Ни в милицию, ни в вытрезвитель, слава бох, не попадала.

Ну дак вот С Татьяной разошлись. Давно уж... Ребёнка у нас не было. Счас отправили на пензию. Вот и потянуло в родны места. Думал-думал. Кто меня дёржит? Ни кола, ни двора. Дай, думаю, съезжу избушку присмотрю. В порту Федьку стретил. Он меня и сватал к вам. А в самолёте всё плакал, што участкового у вас нету. Поработай, мол, хоть сколь-нить. Наготово-то без минцанера худо. А нового к осенё послать обещшались, не раньше.

Вай, а я-то, вся беспута, тебя вить за ссыльново приняла. Уж и так и эдак крутила што за мужик? Откуль взялся? Уж хто-то ангарский дак у знакомых бы остановился... Так и утвердилась, што туняец сосланный!

Игнат расхохотался:

Да, паря, надумала дак надумала... Не голова, а дом советов! Спросить-то чижало было? Давай, садись чай пить. Да обговорим всё.

Нам с тобой ково обговаривать? тут Палагея подняла глаза, А ты куды это подчепурился? Гли-ко, и бороду сбрел и дикалоном набрызгался... Уежжашь куды?

Дак я и говорю присаживайся. Понимашь, я не люблю кругами-то ходить. Поглянулась ты мне шибко. Три дни под одной крышей прожили, а я бытто век тебя знал. Вот как скажешь так и будет. Вобщем, пошёл я в сельсовет. Еслив соглашусь поработать, жить всё лето буду на Болтурине. Дают мне там обчежитте на время. Ну и чё соглашатца мне ли нет? Имей ввиду еслив согласие дам, у тебя до осени время будет. Посоветуешься с дитяи, подумашь..

Да.. подумашь... Подумашь, да не скажешь.

Ну, сразу не отказывашь, и то слава бох... До Болтурина-то сколь километров? Недалёко вить? По выходным на пироги бегать буду.

Вай, с этими километрами тоже закружались. Сколь себя помню, сроду пять было. Чё это пять-то? Рукой подать. Ни машину, ни коня сроду не просили. Кому в школу, кому в больницу - все пешком бегали. А лётось наехали каки-то... Однако неделю ползали по дороге с инструментами. Дак намеряли семь! Счас из-за них лишних два километра ходить приходитца. Молодым-то ничё, а старикам чижало будет.

Ушел Игнат. А у Палаши ни дела, ни работы. Эсколь годов об мужиках не задумывалась. Стыд сказать, грех утаить а за нево бы пошла. За этим мужиком и в огонь и в воду! Ей-бох пошла бы, хоть с закрытыми глазами. Увижу ево сердце бұхат, вот-вот выскочит.

Кому скажи, дак засмеют. А с другово боку поглядеть и худой мужичёнка, да всё оборонка. А уж Игнат-то не какой-нить... Не чета нашим мужикам, нет не чета! За чё ни возъмётца, ничё из рук не выпадат. Ну дак чё говорить худово на работу в милицию работать не возьмут!

Всё бы ничё, да народ-от ково скажет? Скажут, Палашка ума решилась. Шестой десяток доходит, она взамуж засобиралась. Прославлось на всю деревню. Вай, каку задачу-то задал!

Опеть по-другому рассудить - работы в своём дому хватат. То крышу починить, то проконопатить... Дрова, да снег всю зиму чистить, воду таскать. Один огород сколь здоровья отымат! Плачешь, да делаешь исть-ту охота! Вёснись эвот - гряды садить, а я с поясницей расклячилась! Люди полоть зачинают, а я ишло не отсадилась.

Вай, дефка, ково делать-ту?! Откуль лешак выбросил этово Игната? ...Сбегаю-ка я к Устинье, пушай картишки раскинет. Хуже не будет. С мужиком сойтись, это тебе не лучину переломить.

Живо сгреблась, побежала.

- Как думаешь, Устя? Мужик-от видать, што добрый. И, ты гли-ка, давай, грит, жить вместе.

Та ополоснула руки, достала колоду карт, подсяла ко столу:

А чё тут думать-то? Я тебе и без карт скажу: в шестьдесят годов не каждый день сватаютца. До меня доведись не отказала бы.

Тут Палагея спомнила, как на той неделе Устинья отчехвостила её за то, што Палаша позвала Шурку направить крышу на бане. Думали, живо сделат, а он три дня прошеперился с этой крышей...

Однако здря я к тебе сунулась. Я вить знаю, из-за чево ты меня взамуж выпехнуть хошь... Всё за Шурку своёво трясёшься? Язык смузолила тебе говорить не нужон он мне. Сошлась бы ты с ём, сколь народ-от смешить будете? Чё на меня пялишься? В карты гляди!

Гляжу. Вишь, бубновый король выпал... А в голове у нево дама пикей. Это ты. И король этот к тебе со всёй душой. Сама гляди, а то скажешь, што вру. Гли-ка, гумага ложитца. И твой интерес. Это вить выпало тебе знашь чё? Взамуж звать будет. Всё честь по чести, распишетесь вы. Не тряси головой-то! Соглашайся!

Так-то так рассказывашь, да это всё на твой аршин. А нашим бабам толька на язык попади! Завтре же в Кежмах услышат. Боле-то боюся, што Васья, меньшей-от, узнат. Сколь годов отца нету, а он всё меня к кажному мужику ревнует. Как дойдут слухи, сразу ко мне прилетит. Не здря третий день шшоки сарапаютца... это уж у меня ко слезам. А сёдни ичетца весь день. Точно он поминат!

А ты на ребят не оглядывайся. Всех одна подняла, всех в люди вывела. Ишь, ревнует он! А чё тут не живёт, пособлял бы мамке-то? Я думаю, это ево невеска науьскиват. Штоб после тебя, не дай бох, избу твою нё с кем делить было. Ну-ну, перестань! Вот помело, ково-нить да сказану! Иди лучше домой да подчепурись. Ты в девках-то у нас башше всех была! Одна косишша чё стоила. Все ребята на тебя зарились. А наряжалась как куколка. Я так и думала, мол эта ни за што тут не останетца. Счас-то смешно, а товды всем рассказывала, мол Палашка в Москву поедет, на Любовь Орлову учитца будет. Вот те крест! Не веришь — спроси у нашей ровни, всяк скажет. Тебя оболочкй в базарну одёжу ништо тебе твоих годов не даст. Прямо девка!

Палаша подошла к зерглялу, погляделась. Заправила под платок волосы, одёрнула юбку. Маленько подумала и сняла фартук:

Да мне перед кем выхвалятца-то? По всему дню в огородишке....

Как перед кем? Счас жених из сельсовету явитца, а у невесты подол в саже.

Палагея было замялась, но всё же решилась:

Знашь чё, всё ж-ки как-то мне не по себе. Ладно народ. я вить и сама-то не знаю, чё делать. До меня доведись, тоже бы осудила. Ну-ка, три дня мужика знаю, и на тебе взамуж побежала. Скажут, это што за нетерпёж!?

Оно конешно, на каждый роток не накинешь платок. А ты с другой стороны погляди. Наши-то матеря как взамуж выходили? Примерно моя мамушка тятю первый раз увидала, как оне свататца к ней из Рожковой приехали. В другой раз на венчанне. А прожили всю жись душа в душу. И твои вить тоже из разных деревень были. И чё? Худо жили?

Не бай, это счас завели моду по три года дружат. Свадьбу сыграют, а через год, глядишь, расходятца.

Вот-вот! Да им куды торопитца молодым-то? А наши года уж под горку покатались.

Вай, Устя, дай тебе бох здоровья! Правду што, побегу домой.

Игнат с журналом в руках сидел на крыльечке. Её поджидал.

Ты ково там чертишь, журнал-от, однако, новый? Годный ишшо.

Вай, весь лист исчертил!

Вот, с судоку сижу. Не видел, как ты подкралась...

Восподи, спаси и сохрани!.. Это што за судока? Ради христа, где ково подцепил?

Да это на наш ребус находит, толька японской...

- Тьфу ты! Испужал меня до смерти! Я уж думала, чем-то захворал, Палаша пристроилась на ступеньку, Ну, чё с Болтурином-ту надумал?

Всё, Палаша! Отказался я. Ну их к лешему. Всех денег не заработашь. А нам вного ли надо? Две пензии, да на сберкнижке есь, на избу-то копил. Конешно в шисьдесят годов жених из меня не первосортный... Чё молчишь? Ёду проглотила? Можеть, я тебе не по нутру, дак ты скажи сразу...

Нет, не скажу! Не скажу, што не по нутру. Я тоже не молодуха. Скажу, как есь, а ты не перебивай. Сёдни весь день думаю. Врать не буду поглянулся ты мне. Про любовь говорить мы уж не в таких годах. А вот што доброво мужика в деревне с собаками не найдёшь, это верно. Я, примерно, с ранней весны спать ложусь думаю, и с постели встаю, думаю ково нанять огород загородить? Все столбы сгнили. А на задах, видал, цело прясло упало. Поднять некому. В прошлом годе фулюганьё все огурешны гряды обчистили. Дак не столь съели, сколь истоптали. Сеогоды насадила, не знаю вырастет хто или опеть затопчут... Хоть бы маленька посолить дали.

А давай-ка, Игнат, сядем за стол. Я пива натцежю Пьёшь пиво-то? Черёмушно-то?

Я чё не пью-то? На нём вырос. Палаша, мне как-то неловко спрашивать, а мечтаю с первово дня. Как зашел в древню, сразу на ум пало. Сама знашь, как жили после войны. Пироги-то мама стряпала по большим христовым празникам, а в основном бурдуком питались. Дак ес-лив ты знашь как, свари-ка мне бурдучку

Палагея цедила пиво, разливала по стаканам. Ставила на стол закуски. А сама приговаривала:

- И бурдуку наварю, и пирогов настряпаю. Я уж до чево истосковалась об семье-то! Будешь у меня как сыр в масле кататца. Присаживайся, Игнаша, ко столу.

Игнат взял стул в углу, Палаша остановила, показала на стул по леву сторону от окошка:

Нет уж, хозяйско место у меня тут. Вот тут и будешь сидеть.

Ну, родна, выпьем с устатку, даст бох не последню. Давно я домашно-то пиво не пил.

Выпили. Съели по чашке пельменей.

- Вай, Игнаша, чё-то мне с одново стакану в голову ударило!

Дак ты, однако, весь день крошки в рот не брала.

А ты чё думаешь? Испереживалась вся. Уж и так и эдак. А! Хоть как сделай, на каждый роток не накинешь платок. Так и так скажут молоды бабёнки мужиков натти не могут, а старуха отхватила! Давай

уж, если сходитца, дак сразу. Не молоденьки. По сердцу ты мне. Я не без глаз, вижу — смиренный да работяшший. А я, спрости в деревне, сейчас хоть с каким ужилась. Ты, Игнат, не думай, я на твоё богатство не зарюсь. Сколь у тебя на сберкнижке лежит — не спрашиваю. Не маши руками, сама знаю, што с простым карманом не много наскачешь. Ну вить и я не кака-нить. Изба своя, всё хозяйство есь. И хозяйка не из последних, дом вести не хвостом трясти. Тратитца на меня не нады. У меня и на похороны отложено и одёжа и деньги. А как же? И схоронить и на поминки...

Я её взамуж зову, а она мне об поминках! Двоём-то, глядишь, подóле протянем. Мне вить тоже нелегко, шштай всю жись один.

Тебя не обижу, не бойся. Вместе будем внучат рóстить. Ишшо и дедушкой поживу. Я уж об этим и не мечтал.. Чё тебе рассказывать, как одному-то жить, наипаче старику. Случись чё изголовье поправить некому. А с тобой-то я ишшо о-го-го!

Так што тут и у меня свой интерес. Спасибо, родна, што в семью примашь. Умру, может и на мой гроб кто-нить слезу уронит..

ЛЕКАРСТВО ОТО ВСЕГО

Болтуринска больница. Врачебная кабинет.

Здорова, Андреевич! Проходи поближе, садись.

Андреевич устроился на самом уголочке, ноги в грязных кирзачах спрятал под стул:

И тебе не хворать...

А говорил, скрость проспиритовался, никака зараза тебя не берёт.

Андреевич сконфузился:

Да, паря, ково-то шибко прижало...

Ну, давай направленно, поглядим, хто чево с тобой... Ково глазами-то хлопашь, в вашем медпункте-то был?

Был. Фершалице всё обсказал, мол в правом боку шибко болит, каксь под рёбра подпират. Она пошшупала, признала печень. А потом возьми да спрости, пил ли нет я дикалон.

Игоревич похвалил нову медичку.

... Дак вот! Я вить пошёл, штоб к тебе отправила проверитца. А как она спросила про дикалон, я думаю почево мне направленно, кожды тройнова дикалону и дома хочь залейся?! Пить-даки я ево сроду не пил пахнет шибко, брезговал как-то. А старуха-то им и коленки к ночё натират, и грудь шоркат и к голове прикладывает... Вся уж пропи-талась!

С ней рядом стоять-то неможнó дикалоном захватывают! Я через это с ней спать перестал, в куть ухожу на лавку.

Дак она чё, стало быть не здря натиратца? Дура-дура, а лекарство-то правильно нашла! Бегу домой, думаю, счас я тебе прочишшу нórки-то, будь ты трижды проклята! Кака сквалыга! На себя за естоль годов-ту пожалуй уж боле ведра вьпатрала, а мне пузырьк пожалела!..

Игоревич было со стулу упал, кое-как удержался, штоб не рассметятца, едва выговорил:

Не убил старуху-то?

Старик облегчённо вздохнул и по-сурьёзному ответил:

Бох отвёл. Она в избу-то зашла, дак я к тому времю уж флакон опростал и на лавке ляжал, корчился... Сроду эдак никто не болело... Тебе признаюсь — с белым светом попрошшался... Дак она, родна моя, по всей деревне бегала, подводу искала да на Болтурин сама привезла..

А к тебе я, думаешь, почево зашел? Счас-то навроде отошло, но ты мне всё же подробно пропиши, до еды нады пить дикалон-то или опозсле? Черкни на гумажке, не дай Бох, забуду. И, главно, по сколь зараз можно? А то я заторопился, у фершалицы-то не выспросил... Счас не знаю, то ли мало выпил, то ли лишку хватил?.. Отчево-то вить скрутило же меня..

МОЛИТВА НА НОЧЬ

Свекровка испереживалась давно не опровёдывали. Дак заперешивашь не молода уж, девятый десяток доходит. А чё сделаешь? Мужик-от всю зиму дó дому не дотыкатца, из одной командировки в другу. Не до гостей.

А вчерась с вечера наказал, штоб никуды не убегала. Дёскать поране с работы вырвусь, сразу поедем к маме.

Сколь ни торопились, успело стемнять. Само-то основно успеть по-светлú чижолу дорогу проехать. По горам-то всё не слава бох то склизко, то мокро. За два шага никово не видать петля на петле. Я дак эту дивногорску дорогу и днём-то пónага ненавижу, а ночью и дóсталь.

Да, паря, года-то берут своё. Ране эти километры и за дорогу не шшитали. А счас едешь-едешь, конца-краю не видать. К ночё добрались. Маломало в баньке ополоснулись, поужнали и на бокову. Баушка наша осталась давлення мерять да таблетки пить. Обшем,

шаперилась по избе да новости рассказывала. Я слушала-слушала и задремала...

Не знаю, сколь проспала, разбудилась кто-то разговариват во весь голос. Темесь, хоть глаз выколи. Это хто чево? Неуж в куте телевизер оставили?.. Дак голос чей-от знакомый... Вай, мы вить в деревне! Она, баушка-то, кому ково рассказывает? Прислушалась:

яко Спаса родила еси душ наших...

Сообразила молитву на ночь творит.

Восподи, за всех усопших молюся. За младенцев моих.. видать за мои каки-то грехи ты им нисколь пожить не дал, сразу прибрал. Чё уж я таково сделала? Ну да Тебе, Восподи, видней.

За мужа, отца ребят моих, молюся. Прожила я за ним как у Христа за пазухой. За здря ни разу меня не обидел. Сколь уж годов нету ево. Сама-то я давно хвораю, тоже бы уж пора.. а вот живу...

Не знаю, Восподи, может это и грех? Одново мнука схоронили, а другой-от на восемнадцатом году вышел из дому и с голком. Боле ево никто не видел ни живово, ни мёртвово. Вот я всё и думаю ну как живой он? А я уж давно за упокой молюсь. Дак вить двадцать два года об нём ни слуху, ни духу ..

За маминку мою молюсь и за папу. За дядю Петю, што вырастил нас, как своих. А ишшо за мамашу, свекровку мою. Всех челядят на ноги поставила, спасибо ей.

За сестру мою молюсь. Бывало, што и стырили с ней, наипаче маленьки-то. Ну дак хто без этово вырос? Сёдни расстырили, назавтре опеть вместе, она перевела дух, помольчала.- «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Восподь с тобою; благословенна Ты в женах и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших»

Я, Восподи, хочу попросить у Тебя за живых. Сперва за сыновой моих.

Один-от тут живёт. Жалко мне их. В деревне вить хто работящий-то, тем отдыхать нековды. По всему лету треплютца в огородишке. Да избу ремонтируют, да перестраивают. Изба-то матерушша, это вить толька сказать три этажа! Я говорю, вам почево этот сарай-от? Одной приборки сколь времишша нады! Нет нисколь себя не жалеют! Как здоровья хватать не будет, хватятца правильно мама говорила.

У другово опеть работа шибко чижола. Вот и болит за них душа. Ты, Восподи не думай, я бы за худых да беспутых просить не стала — уж никому не нагадили, нигде ничем не замарались, - Оборвала себя,

- Вай, паря, нисколь памяти-то не стаёт. Я сколь раз молитву-то прочитала? Однако два раз.

«Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Восподь с тобою; благословенна Ты в женах и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших»

.. Мнучата вот тоже все далёко живут. В Красноярском-ту двонтолька остались, спаси и сохрани их. Две в Ленинграде, одна в Новороссийском... (Уж поближе-то женихов не нашлось!) Ну да Бох с нимя, лишь бы всё ладно было. Из ребят меньшей-от опеть в Америках. Уж годов двенадцать, как не тринадцать.. Де же он живёт-то? Вот лешакова память (прости, Восподи!) Записано вить у меня, листик на швейной машине лежит... Дак огонь-то как зажгёшь! Ребят разбужу .. Ну ладно... Это вить шибко чижало в чужой стране-то жить. И люди-то все не наши.. Спомлила! Флорида! Это как всё равно у нас Красноярск, так у их Флорида. А город-от называтца Орландо. Ну адрес-от, конешно, не знаю. Дак вот, Восподи, дай ты ему хоть каплю разуменья, штоб на чужой-то стороне не пропал парнишка.

Невесок всех тоже прости и не обйди своёй милостью.

А ишшо, Восподи, хочю попросить тебя об Митрии Анатольевиче да Владимире Владимировиче. Оборони их ото всех болестей, Восподи, это наши президенты. Гли-ка, оне сколь работают ночей не спят. Наставляй их на путь, а наказывать не наказывай. Ты не хуже меня знашь, как чижало со страной нашей развратной сладить. Пособи Ты имя, ради Христа. Не для себя прошу, для народу.

Про всех, ли чё ли, спомлила?

Вай, я про Колю-то помянула ли нет? Однако забыла. Дак вот, меня вся деревня пужат, мол почево с этим тюремшиком связалась. А мне чё, што он тюремшик? Свои пятнадцать годов он отсидел. В сиротском дому рос, ево хто добру-то учил?

А счас здоровья-то не стало, он и вино бросил. Уж каждое утро ко мне зайдёт, опроведат. И дров натаскат, и снег вычистит, и в лавку по хлеб сходит. А главно, што чаю со мной попьёт и все новости перекажет...

Ну вот, счас и спать можно:

«В руце твои, Восподи Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой: Ты же мя благослови, Ты мя помилуй и живот вечный даруй ми. Аминь»

Баушка наладилась повернутца на бок. Не с первово разу, но всё же перевалилась. Вздыхат. Видать, не спитца.

Восподи, ишшо тебя спросить-то забыла! Вот раздумуюсь я а всё же ты меня берегёшь. И парализовало меня, и в кобрег я падала, и с поветей обрывалась. А сколь раз я убивалась не перешшитать!

Потом мозгами пораскину то ли берегёшь, то ли все же наказывашь? Уж сколь годов я маюсь, свету белово не вижу с этим давленем. Голова-то с ним отдыху не видит, день и ночь раскальватца. Ноги парализованы были, тоже наготово отказываютца ходить. А счас ишшо одна немочь привязалась вот болит у меня бок, никакой моченьки нету. Всем на свете лечу, никто не берёт! За што всё же мне мученне-то это? Гли-ка, старе меня в деревне уж никово не остаётца. Не то што старики, а и старушнй вся вымерла. Никуды не годна стала, небо копчу. Ишшо маленька придётца из-под меня горшки вытаскивать. Это вить не дай Бох никому. Так-ту самай бы раз убратца...

Затихла на минутку. Видать, об чём-то задумалась.

Вай, Восподи, поторопилась я, чуть не забыла! Счас умирать никак нельзя. Деньги на похороны-то я уж накопила, да пришлось внучке отправить. Я ей обещалась помогчи на свадьбу отправить, как взамуж засобиратца. Дак в мае как раз собрались расписыватца. Отдам, а потом как без копейки умирать? Не дай Бох, осердятца чё это мать не подумала, нечем и помянуть! Нады утре сошшитать, сколь осталось. Ну месяца за три-четыре подкоплю. Вот потом уж и умирать можно будет.

Я так и не дождалась, ковды она уснула..

На утро мужики убежали ўды на налимов ставить, а мы остались домовничать. Чё-то наша баушка невесёла. Спрашиваю, не захворала ли, оборонишна мать.

Я здорова-то не живу. Подумываю, не съехатца ли с ребятами? Дак не знаю, уживусь ли с невеской-то.. Уж у ней карахтер, а у меня-то ишшо хлешше.

Ково думать-то? Собирайся, да поехали с нами. Уж шибко не поглянетца, обратно увезём.

Гляжу, баушка моя в лице переменилась, креститца:

Даже думать забудь. Не поеду я к вам!

Ишшо не башше! Пошто не поедешь-то? Не к чужим зову, к родному сыну.

Мне бытто обидно показалось. Это уж кака-така? Сроду с ней не стырили ни об чём. Сам-то у меня трясётца над матерью, она у нево отказу ни в чём не знат. Ково бы ни попросила, ково бы ни придумала — всё предоставит. Осердилась на ково-то?

Я какэсь растерялася. Сижу молчу, перебираю в голове чем не уноровили?

Ты, родима, не думай, вы тут ни при чём. Я за эти года нагляделась. Отцель в город-от знашь, сколь старух переехало?! Дак жива-то ни одна не воротилась. Не успеют увезти, через месяц-два, глядишь

она уж повернулась. Не знаю, то ли из-за климату, то ли от тоски...
Вот и везут суды хоронить.

Я уж лучше тут поживу... сколь Бох даст...

УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ

Захариха сперва зашла в куть, потом заглянула в горницу:
- Чё спряталась, я уж думала по деревне хвошшешь. Здоровенька была!

Здорова-здорова! Проходи, гостьей будешь.

Гостья воротилась в куть, захватила стул:

- Да, паря, хорошо живёшь! Все двери настежь заходи, бери...
Хоть всё уташши, не услышишь. А ты не с лешака ли сѣдни работату взялась, в Христово-то воскресенье? Друго время не нашла?

Хозяйка отмахнулась:

Дак воскресенье-то каждую неделю. А я вчерась весь день стиралась. Хошь-не хошь, а гладитца нады. Я понага ненавижу, как бельё пересыхат.

Ты как вчера родилась, пофычкала водой да и гладься. А то сѣдни большой праздник, грешить-то не боисся?

Ну счас уж я не брошу.. Доглажу да помолюсь, Бох простит...

Гли-ка, у тя телевизер-от чё эдак ревьёт? С улицы слышать. Кино кажут или постановку?

- А ты чё с недобором-ту явилась? «Дверь настеж, телевизер ревьёт, сама глажусь...» Ишшо чё скажешь?

Захариха развязала платок, махнула рукой:

Не обращай внимания, я с утра не в духах. С петухом согрешила. Во клев не пускает, девка! Наскакиват и всё, тово гляди глаза выключет. Одичал наготово. На Рожество голову ему отрублю. Да убавь ты этот телевизер-от, оглушил уж. Или ты глядишь?

Да Гринька заставлят. Дескать слушай, как добры люди разговаривают, да на ус мотай. А то, грит, так тёмной и умрешь. От до чево дожила! Мнучата просвешшают!

Ради Христа, он не одичал, эдак баушке-ту отвечать?! У ково научился? Атт, паразиты растут! Выкормили их на свою голову. Не нашлёпала по губам-ту?

Дак за што? Сама к нему перва полезла. Понимашь, я издива выхожу над молодыми! Вот и споминаю... К нам в войну-то немцев да литовцев вить сколь нагнали? Оне по-нашему ни бум-бум. Не пове-ришь, я их лучше понимала, чем своих мнучат! Ей бох, нисколь не вру!

По русскому мало разговаривают. Докуль не прислушася, не поймёшь, кака нация горгочет. Наипаче как возмутца по тилифону акать, у меня всё нутро переворачиватца.

Чё-то я не замечала, штоб акали..

- Дак ты счево не замечала-то? Я никак понять не могла, каково акея с языка не спускают! Меньша мнучка и та у каждого слова акей да акей, а потом ва-а-ау! Вот, спрашиватца, где успела подхватила? Спрашиваю Гришку, а он грит, мол это она с тобой соглашатца по англицкому... Дак она по-русски-то никак не можешь согласитца?! А ты, грит, почашше радио с телевизером слушай. Вот и будешь знать, как люди разговаривают. Другой день не выключаю..

- И чё? Научилася?

- У них ково научисся? Оне вить там, в телевизере-то, сами не всё понимают, об чём нам сказывають.

Ты уж чё-то буровишь.. Бестолковых-то хто в телевизер пустит?!

- У меня у самой в голове не помешшатца.. Но всё же склоняюсь, што пускають. Вот, к примеру, сёдни всё утро трясли какой-от менталитет. Стоят человек пять мужиков, все в пинжаках и с пеной у рта стырят. Нихто не знат, чё тако етот менталитет. Зато все знают, што у русских он другой! Мы бытто на́разно ото всево миру! Слушала я слушала, так и не поняла, об чём речь. А, главно, это хорошо, што он разный? Или лучше, штоб как у всех был? Чё делать, за кажным словом по Гришку не набёгашь, ну и заставила девку словарь какой-нить взять в библиотеке...

Ты-то сроду настырна была, этово у тебя не отымешь. Нашла?

А ты как думала?! Гли-ка, менталитет - это склад ума! Это што же у нас за ум такой, спрашиватца?

Захариха перебила:

- Гли-ка, я тебе чё расскажу про телевизер-от. Ко мне лётось приежал Генка в гости. Давай, грит, мама, я тебе подключу канал с музыкой. Я было отказывалась, ума-то нету. Думала, мало ли чё? Избёнканто небольшая, а вдруг этот канал ходить мешать будет? Я и без него запинаясь. Всё же уговорил. Дескать там и в гармошку играют и в баян. Даже и на балалайке. И частушки поют и пляшут. Дала я согласье. Так-то хорошо, глядеть не обязательно. То посудёнку моешь, то вяжешь, примерно, а оне тебе поют. Куды с добром! А на той неделе в куте шаперюсь, слышу объявляют счас будут поп музыку передавать. Понимашь, я хоть и некрешшоная, а под старость стала в церкву похаживать. Хуже не будет, а в жисти мало ли чё бывает. Худово оне не делают. А уж как запоют, дак мороз по коже! Всё бросила, сяла в

горнице. Вай, дефка, вышел мужик, запел песни, да все-то хоть не тюремны, но где-то близко к этому. Слушать стыдно. Уж мне-то доподлинно известно, сроду попы таки песни не пели. Ну, думаю, поп дак поп хоть стой, хоть падай! Вот дак послушала я поп музыку.

- Ну уж этот поп не настоящий. А объявить как хош можно. Знают, што их оттуль не достанешь. Слушай, раз уж об телевизере зашел разговор, утресь казали двух баб. Ходили оне по какому-то большушшему сельпу. Их, видать, туды нарачи запускают, штоб в городах таких простодырых, как мы, заманивали чё-нить купить. Часа полтора ходили, истинный крест, ни сколь не вру. Ради Христа, ково там толька нету на всех-ту на трёх ярусах! Бабы эти сами все разнаряжены дай бох на Паску. Думаю, каково лешака им ишшо не хватат? А оне ни единово прилавку не пропускают. Ходят, обсказывают, где ково продают. Да у товаров-ту названия понять неможнó. Где ладны, где неладны, чё успела, переписала на листик. Счас прочитаю тебе.

Счас, грит покажем вам самы модны шузы. Можеть я со слепу не увидала, а можеть шузов этих не нашли, но факт тот, што показали мужичьи ботинки. Но до чево добротны, видать, што не дешевы. И из кенгуры их делают, и из крокодилов шьют... И чуть ли не деревянные... У другово прилавку на гаджеты наткнулись. Я думала, раз гаджеты, стало быть это тоже ботинки, толька из гадины сшитые, ну из кожи змеиной. Чё боле-то? Нет слышу, гаджеты эти с дисплеями. Кто чево? Есть, конешно, змеи-то с капишонами.. а с дисплеями не слыхала... Да и сами-то дисплеи, лешак знат хто. Видать, об чем-то другом шла речь.

А оне всё по этой лавке ходят, собирают всяку всечину. Им ково делать-то? Вот и чешут языками. Всё про каки-то тренды (видать ково-то осуждают, што трындят много), локации, каку-то богему поминали, кэжлов, суперменов. Чем дале, тем хуже. Там уж начались девайсы, сенсоры, гиги.. про адекватных помянули.. А уж про гламура каково-то, дак через слово! Потом одна грит, я фанатка этово гипермаркета, не вылезала бы отцель по всему дню. А друга всё об каком-то Фитнесе потрóшит, мол не обробеть бы. Думаю, Фитнес этот ихний начальник... Фамиль-то на еврейску находит, а евреи вить все начальниками как-то устраиваютца. Видать бабёнки среди дня в магазин без спросу убежали. А какому начальнику поглянетца?! Ревели-ревели эти бабы, да расстырили. Чуть не забыла, оне как у гаджетов-то стояли, спрашивали про каково-то (счас погляжу) антивируса. И ты знашь чё? Я думаю это лекарство ото всево. Не в третьем ли годе по радиву-то всё рассказывали про кремлёвску таблетку? Слыхала? Што всё правительство на этих таблетках живёт?

Вай, иди не кружай! Ково придумывашь?!

Это в словаре, послушай-ка: «Антивирус удалят всех вирусов, червяков и даже, не поверишь, троянских коней!» Не знаю уж, што за порода така, но всё же кони. Вообще, всё подчисту! Одно мне не поглянулось, што лекарство, а продают в магазине. Пошто не в аптеке-то? Еслив толька по большому благу, за больши деньги, а не простым людьм.

Старухи задумались. Оно и вправду, счас не поймёшь, где врут, где правду сказывают. Захариха перва высказалась:

Я дак грешным делом думаю, это оне нарочи народ в заблужденье вводят и всё! Чё боле-то?

Гли-ка, я сѣдни весь день, как услышу слово позаковыристей сразу на карандаш! Счас прочитаю. Кон-сен-сус. Думаешь это чё?

Дак лешак знат. Я-то как слышу, што непонятно болтают, сразу радиво выкручиваю. А то голова болеть начинат. Она у меня с молодости слаба, врач строго-настрого наказал. Еслив, грит, не хошь следатца инвалидом по голове, дак ум черезь силу не напругай.

Ну ладно, слушай, кое-каки слова все же я успела расшифровать. Консенсус это согласие, единомушие! Фей-ки - подделка или фальшивка. Слыхала, в передаче объявляют парнишка: «Лайфхаки» и сам же переводит советы и маленьки хитрости. Вишь, по радиву и в журналах раньше чё-то добро советовали, а счас хакают. А вот ишшо про кино чё узнала. Еслив, примерно, картина неинтересна, ништо глядеть не хочет, то это кино. А еслив все ломятца поглядеть да ишшо не по одному разу, так и знай, што это блок-бас-тер! Я сразу подумала об ранешних кинах. Спомни-ка «Весну на Заречной улице», а? Или про Любовь Орлову, где она с Утёсовым песни-то пела... «Волга-Волга» называлось. А «Девчата»? Полнѣхонек вить клуб народу-то набивался, и стар и мал. Вишь чё! А мы и не знали, што блокбастеры глядим! Счас-то их шшитай што нету, одне кина кажут. Да и те неважнечки. Наипаче в телевизере.

А ишшо одно слово. мундиаль. Этово мундиалья напрохот трясут даже и по радиву. Я вить сколь раз ево слушаю и всё думаю, как это им по-матерной ругатца разрешают? Одичали, мол, наготово. А как в словаре-то прочитала, надцелась хохотать! Гли-ка, это чё чемпионат мира по футболу! Это где мужики с мечиком-ту бегают. И не стыдно, люди работают, а эти лбы по всему дню в телевизере мечик пинают. Ране-то, как пить дать, сослали бы за тунеядство...

Вай, дак чё тебе рассказывать? Ково толька не услышишь, а спросить не у ково. На днях всё тростили бабслей да бабслей. И всё! А куды их сливать, баб-то этих молчок! Видать секретно слить хочут,

по-тайному. Или вот ишшо — папарацци. Кто чево? Еслив чей-то папа на радию работат? Ну работат, дак чё всему-то миру про нево сказывать? Как думашь, а?

Агаша за разговорами догладилась, взялась бельё складывать да развешивать по шкапам:

Дак вить и к нам мода-то дошла. На слова-то на всяки. Вчерась чё-то с Марточкой подековалось, не подпускат к себе и всё! По вили-тинаршу сбегала. А она, гли-ка, взялась меня учить, как под корову садитца. Я послушала послушала да и послала её.. обнаковенными словами, не новомодными. Она тут же высказалась, мол деревеншина а тоже с аплонбой, слóва до себя не допускат. А это при чём, спрашиватца? Зубы-то у меня тятини, все целы, ни единой плонбы нету. Самой тебе, думаю, за таки слова перешшитать бы зубы-то! Жалко, што мне дратца образованне мешат..

У тебя оно откуль взялось, образованье-то?

Не скажу, што большо, но зато два. Сперва в дворецкой школе четьре класса, а потом ишшо три года на Болтурин ходила.

Так-так... Я боле-то на телевизер грешу. Он хорошему не научит.

Хотя, спомли-ка, мы-то росли, кроме газет да радива негде было ничё узнать. Дак и то. Где-то находили новы-то словечки. Над нашими баушками тоже шпанíли, подтрунивали над ними..

Дак как не было-то? Всяко было..

Ну. А ты говоришь... Нашу-то баушку Фёклу не забыла? Нет? Я только поступила в первой класс, дак после уроков-то к ней напрохóт забегала. Раз посадила меня обедать, жалуетца:

Вчерась Сенька прибежал на перемене, а на шее красна косинка узлом завязана. Ишшо не лучче! Вай, грю, тебя кака змея натака́ла бабий-то платок носить? Сымай счас же! А он, желуница, меня же и просмеял, дескать ево в питанары приняли. А это никакой не платок, а галстук. И он должен етот галстук в школу носить с формой!

Я, может и кругова, да не наготово же! Сеньку хто не знает? Ботало растёт, ни одному слову верить нельзя! А утресь стретила учительшу. Дай-ка, думаю, я её спрошу добром, а то парень изоврался весь. Потом ево можно будет и к стенке припереть.

И чё ты думашь? Вправду вить приняли питанаром! Дак туды, грит, ишшо очередь не всех берут. Вот вить чё!

Я, хоть сама ишшо ка́пошная была, а соображаю, што неладны чё-то баушка буровит. Ты, грю, каких питанаров нашла? С красными-то галтусами пиванеры ходют. Это я точно знаю. А бабе-то чё? Не один ли, грит, лешак! Слушай дале. Сёдни, грит, опять прибежал и напрямки в казёнку. Карманы коральками набил и науход! Я ремень

схватила, побежала за нѣм. Да разе настїгнешь? Отбежал да ишшо надо мной же надсмехатца. У тебя, грит, правов нету меня ремнѣм бить. Я, дескать, питанар, а ты беспартейна! Вот!

Сижу, грит, да ругаю себя – пошто учительшу-то не расспросила наτόдель, можно баушке ремешком этово питанара стегнуть. Или он счас ей одной подчинятца? Гли-ка чѣ, жила-жила, а счас правов нету!

Старухи посидели, пошвыркали кипяточку.

Ты, родима, так и не сказала, почево прибежала-то?

А вот спроси, почево! Однако так, посидеть. Дома-то разе дадут? Бытто все уж выросли, а ондохнуть никак нековды..

- Оно откуль время-то будет, как за однем делом семь раз ходишь.

Вот-вот! Я, девка, думала, у меня у одной память-то отшибло. Понимашь, давече захожу в завозню, а почево пришла? Никак не могу спомнить, чѣ мне нады было не забыть тутака сделать! Заглянула во все углы, черепки перебрала. Постояла ишшо. Нихто на ум не па́дат. Так и ушла ни с чем. Вай, ради христа, до чево обуродовались. Ты в окошко-то поглядывашь, там Михаил к нам не заходил?

Которай?

Дак Елены-то Хомаихи. Не видала?

Я вить не глядела. Беги, а то прокараулим.

Да я нарачи у тебя спряталася. Знашь вить, как он насмешничать любит? Услышал, што я слово выговорить не могу, счас ковды бы ни зашѣл, обязательно спросит.

Како слово-то?

Да кохую. Как забегáт, сразу ему кохую эту запарить нады. К чему бы доброму привязался!

Это што за лихоманка, я не слыхивала ишшо?

Да счево не слыхала-то? Все сполодїмо эту кохую пить взялісь. Каково лешака в ей нашли. Я раз оповедала. Вай, одна гóресь! Не успела питнуть, дак меня всю перекособенило. Уж плевалась-плевалась. Што песком все зубы забило, да сколь времишша в роте-то полоскала!

А-а-а, это котора чѣрна-то? Это вить не кохуя, а кофия.

Дак сама знаю, што неладны, а по-твоѣму сказать язык не поворачиватца и всё! Вот оне и поддразнивают меня.

А ты не слушай, хоть не надсмехайтесь оне. Эвон радиво как включишь, бытто нѣруси разговаривают. Которай раз разобрать не можно, об чѣм речь... Нам уж за молодыми-то не угнатца.. Счас я тебе ишшо почитаю. Вот, примерно, толерантнось хто думашь?

Захариха осердилась:

Да чѣ ты меня спрашивашь?! Читай и всё.

Дак вот, это терпимость. А еслив об чем-то договорился, то консенсус.

Вай, ты где эти слова-то берёшь?

Где што не в телевизере.

- Гли-ка, я в городе-то тоже ново слово услышала. Ты потом прочитай да мне обскажешь. Сама придумать не могу, всю голову изломала. У меньшей мнучки именина были. Я как раз у их гостила. Невеске-то грю, давай я настряпаю хоть пряников с пирогами, пускай с подружками после уроков чайку попьют, поиграют в чё-нить. Ну-у-у! Какой чаёк? Мать грит, никаких пирогов, квест хочет. Я умом-то думаю, раз девка не шибко старательно учитца, стало быть родители отказались ево брать, квест этот, дескать не заработала на хороший подарок. Дак ничё дивново, игрушки-то нонче дорогушши. И девку жалко. Давай, мол, я куплю. Будет от нас с дедушкой тебе квест на память. Раз уж шибко охота. А оне хохочут. Спрашиваю, што за диковина. Невеска грит, мол заданье это. Вот как! У нас-то, сама знашь, именина гулять моды не было. Ну раз уж счас все гуляют, дак мне Юльку-то ишшо жальче стало. Она и в будни-то не шибко любит за уроками сидеть, а заместо именин будет весь день задачи решать? Поведи лешак эту учебу! У челядят и так головёнка-то нисколь не отдыхат. Пошла я в лавку, набрала конфет полон кошель, штоб не обидно было над задачами сидеть.

А оне после школы забежали на минутку да вместе с матерью уехали куды-то на весь вечер. И про все заданья забыли. Воротились обои весёлые, довольнёхоньки. Хвастаютца, мол квест до чево поглянул! А показать ничё не показали...

Вай, девка, всё перевернулось, ничё я не понимаю. Што это за квест-от такой. Погляди в своём словарике-то, а?

Агафья махнула рукой:

А хто, думаешь, понимает? Нихто. Я осенёсь тоже у своих была. В больницу-то меня направляли, помлишь? Ну и вот, Дашке нады было строчно лопатину к зиме взять. Сноха-то нас с Дашкой увезла до больницы. Домой, мол, пойдёте, дак завернёте в сельпо. Денег нам дала. Зашли мы туды. Я из дива вышла польтов-ту навешано, краю не видать. Продавщица подскачила, мол счас в моде оверсайз. Берите, не пожалеете. У нас одёжа-то кака была? Польта драповы на выход, да куфайки на работу. Чё делать? Из оверсайзу никово не носили. Про таку матерью не слыхала. Взясась расспрашивать, шибко ли мнётца, да не марка ли. Можно ли в машине стирать или на руках придётца. Да на сколь годов носить хватит? Дак ты подумай-ка! Это не матерья, а фасон такой! Поглядела я на этот фасон.. Што этово оверсайза

надень, што куль из-под картошек напяль! Куль-то, еслив стираний, побашше будет. Што на корове седло этот оверсайз. А уж разговоров-то, разговоров... Вот и верь этим девкам в телевизере.

Хозяйка поставила чайник. Докуль он подогревался, сгношила на стол, тово-сево насбирала. Старухи подвинулись, взялись за ложки...

Вай, ты заговорила про своих-то, мне на ум пало... Это вить до чево тóдельны ребятишшонки-то пошли! И всё с подковыркой, дескать чё вы, деревенски, понимаете. Повела я Пашку в музыкальну школу, у него рот не закрыётца. Сперва про учебу, потом про игрушки да про товаришшей. Потом грит, отгадай загадку: «Как натти площадь Ленина?». Я-то с простой души отвечаю, мол чё её искать-то садись на пятай автобус, как раз приедешь. «А вот и нет, а вот и нет!, скачет кругом меня, надо длину площади умножить на ширину!»

Чё доброво, а это оне сказать могут. В прошлом годе Николай сами-то на курорты ездили, а Еленку у меня оставляли. Ну дак вижу, девка-то об матери шибко тоскнёт. Дай, думаю, поразговариваю с ней, глядишь повеселе будет. Всё мне обсказала и про дом, и про садик, и про подружек. В садик, грит, мамка водит. Я спрашиваю, пошто сама-то не ходишь, заблудитца боисся? Не боюсь, грит, я адрес наизузь знаю. Потом помолчала да и говорит, только я тебе наш адрес не скажу, а то в гости приедешь. Дак это вить пяти годочков не было... Вот и думай, сама сообразила или у больших слыхала.

Но-ка подвинься маленькя, ноги пускай отдохнут, сама усялась на диван, а ноги вытянула на стул. - Ну дак вот. Я эти дни-то думаю, думаю...

И чё, много придумала?

Много-не много, а всё же порядошно скумекала... Гли-ка, молды-то помешалися на англицком языке. Челядята, которы в школе-то ни бэ, ни мэ, ни кукареку, а пальцы растопырят, горгочут по-ихному, кина глядят одне мерикански. Ись нашу еду наотрез отказываютца. Набивают брюхо булками с шипучей водой.

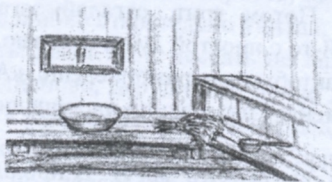
Помлишь, один артист-от в телевизоре всё говорил, мол мериканцы тупые, мериканцы тупые... А эти мериканцы-то не дураки. Пальцем не пошевелили, а нас к рукам прибрали! Куды не погляди всё не наше! Не то, што товары, вывески и те по-мериканскому пишут! У нас чё, своей азбуки нету?

Мы пошто чужим-то умом живём? Чужой-то головой? И всё недозвольны! Нам бы в молодости да нонешну жисть!.. Вить всё на свете своё есь, толька работай. Уж хоть бы правительство-то подумало, как сделать, штоб наша челядь на сторону не поглядывала.. А то скоро

не то што кормить, а и схоронить стариков некому будет Наипаче по деревням-то...

По телевизеру пошли новости. Старухи заспорили, хто больше новых слов за телевизером запишет. Хто проиграл, тот пойдёт пролубь чистить.

ЛИШНИЙ БАННЫЙ ДЕНЬ

Анна вошкалась в кутё, а Мишка с Толькой на полу играли машинками. Время было дивно, пора ужну на стол ставить, а у ней ничем ничево:

Ну, ребята, погодите ишшо маленька, мамка тесто завела. И печь протопелась. Счас уголья замету, сковородку накалю и стряпатца буду зачинать. Отец-от ижир выжил, неделю уж трóстит блинов ему охота. Всю плешь проел...

Н-н-но, паря, и житуха пошла!.. У своей бабы блинов не выпрошишь! Раз добился, дак хоть бы поперёк горла не стали..

Нюра охнула, выглянула из-за занавески:

Ты откуль подкрался? Нихто не слышал, как в избу зашёл, она вытерла фартуком руки, оправила косынку, Теплушонку-то с катанками сбрось, да беги в баню. Я тебе и бельё направила, эвон на яшшике с рушником лежит. Как знала, што рано придёшь.

Ишшо не башше! Это што за нова мода? По два раз на неделе будете намыватца – на вас хто дров напашетца.

Аннушка заоправдывалась:

Я сёдни рано с работы прибежала, подтопила каменку да постиралась. Воды-то дополна натаскала, куды её счас девать? Мы с ребятами намылися, дак красотишша! Я слышала, в городах-ту народ утро-вечер моютца...

Оне в городах ишшо не то придумают? Хозяйства нету. Им ково делать-то? Мойся да мойся!

Анна вышла на́ избу, сунула самому свётрок с бельишком:

Иди-иди! Тебе после трактору неуж не охота маленько мазуту ополоснуть? Ни рубахи, ни постелю отпарить неможнó. Ну-ка, постирайся на всех на вас – без рук останешься! Докуль моется, как раз и блины поспеют..

Алексей поскрёб затылок:

Однако вправду сходить, ли ково ли? А то сѣдни весь день в носу гомозит. Народ-от весь сполодимо хворат – видать, повертуха ходит. Нальѣшь после бани стопочку, дак схожу погреюсь...

БАБЬЯ ДОЛЯ

Мамаша, ты ково тут путасся? Ползашь весь день, а деланово не видать. Бежала врыссю, думала до управы хочь хлеба с чаем съись успею, а у тебя и чайник простыл... Ково бытто делаешь?

Ну дак как! Всѣ я у тебя никово не делаю. Это у добрых невесок старухам-ту обездѣлле, по всему дню картами играют. А на миня уж всю домашность свалили. Вам чѣ? Позавтрикали да разбежались. А я после вас не знаю за ково вперѣд хвататца. Хочь пополам разорвись – никаких рук не хватат! И управа на мне и челядь.. Заездили наготово, по всему дню в беготне – не то што присясь, пукнуть нековды!

Ты уж про челядь-ту не заикайся! Счас Лидку видела, возле Платонковых в лыве чупкатца, из грязи пряники стряпат. Одна девчончишка на семерых и ту обиходить не можешь!

Старуха отмахнулась:

От грязи не треснет, от чистово не воскреснет!

Уж не до большой чистоты, хоть бы нарошно расчесала! Волощишки не то што заклочились, в потник сваялись. Нет бы косоплѣткой подобрать, всѣ побашше... Однако во всѣй деревне одна наша космачѣм бегат, какѣсь волхитка и волхитка..

Есь ковды мне косоплѣтки искать мне хто ково помогает? Эвон, до обеду в избе ковшика воды нету, а я Гошку с повѣти сташшить не могу! Весь папа родимай, лень-то вперед нево родилась. Докуль за ремень не взялась, ни за што по воду не пошел!

- Нады было самово́ отправить, пушай бы промялся.

Старуха замельтешила, забегала по куте. Подхватила ведро с помоями и выскочила из избы.

- Мамаша, ты куды побежала? Но-ка, сказывай, хто чево заспелось. Да не виляй мне!

- Я ково навиялю? Сама знашь раз уж вчерась заусило, дак ево хто удёржит? Вина наелся, на подамбарье валятца. Еле-еле душа в теле...

Евдокея бросила чай, выскочила в ограду, направилась к анбару. По пути взялась костерить Семёна:

- Ох ты, весь ты урод ходишь! Последню голову потерял! Пьянчужка ты, боле никто! Паравич бы тебя разбил! находу повернулась к старухе, А ты ково ево прячешь?

Старуха и сама за день-то всево ево изругала, а тут жалко сделалось... всё-даки родна кровь. Куды девашь? И невеску жалко. Всё же не утерпела, огрызнулась. Во весь-от голос не стала ругатца, бурчала себе под нос:

- Одичала – наскакиват на старуху! Каждый день ругань, никакого покою... Одна Дуська у лешака была и та нам досталася! Конеешно, одна я кругом виновата, боле-то хто? А я бытто ково с нём делаю, раз ему пить охота? Не налеваю вить ему... Тут она увидела, што невеска сдёрнула с верёвки мокрый рушник. Счас Сеньке попадёт! Змея, глаза бы не выхвостала! Побежала наперерез, сыздале заревела:

- Не машись руками-то, да хочь от стыда не реви во всю голову, лихоманка большерота. Соберёшь всю деревню..

- Как не заревёшь? Эти пьянчужки в печёнках сидят – прóпаду на них нету!

Дуня какэсь сама собой не владела (убила бы ево, паразита!), добежала до анбару. Обопнулась. Семён спал как ни в чем не бывало. Ноги до оборины в грязе.. Голова вся в куричьих перьях, свесилась до земли.. Лежит недвижимо никово не слышит. Другово места не нашёл!

Время от времени на Семёна садился паут, он здрагивал всем телом, приподымал голову и заводил:

- По долинам и по взго-о-орьям.

Шла дивизия впе-ерё-о-од..

Дале песня никак не шла. Голова падала обратно.

Дуня не помнила, как заползла на повети. Упала в сено. Заревела в голос..

Старуха ишо маленькя поворчала:

Гли-ка на неё сколь воли-то взяла! В девках така смирна да пословна была... Мы вить не поглядели, што ихна-то семья нехто ничаво, голь перекатна! Приняли её.. А счас?! Треплюсь на них ни выходных ни проходных а всё в добры попась не могу... Скоро по одной половице ходить заставит.

А Дуня на поветях выла вголос:

- Это што за прókлята жись?! Все жилы вытянула! Ни днём ни ночью покою нету В колхозе навалóхаюсь, не знаю, как до дому доползти. А тут тоже вся работа стоит. Старуха-то не семижилна, наработалась на своём веку. Худо-бедно челядь настует, да ковды ужну соберёт. А без неё хочь в петлю лезь!

С екой семьёй не присядешь управа, огородишко.. сор в избе разгresti. Меньши стоскнутца об мамке, облепят, умом-ту бытто пособить ладятца... Из них каки помощники? То чипушек в огород запустят, то порсят загонят...

Какесь из мочи с нима выду.

Да это хто чево? Неуж нету мне никакого счастья-то? Оно где заблудилося? Стало быть на роду написано горе мыкать..

Семён, бестыжа рожа, наделал ребят целу армию, а счас одичал с вином! Все ись-пить просят, а ему горя мало!..

Друга бы уж давно выгнала эково кормильца... А я-то ево почево держу? Сама на себя дивлюсь.

.. Да нет. Не шибко и дивлюсь... Напрехот думаю присушил он меня, ли ково ли?! Вот мря об нём умираю! Никово башше ево на свете нету! Однем глазом поглядит – у меня ноги отымаютца! И никово мне боле не нады!

... Ну попиват он.. Хто нонче не пьёт? Правда все по-разному пьют.. Это да. Эвон возьми Шурку Червянсково – напиватца раз в году. Дак он за этот один раз бедну Дашку выгадит и выстрамит по всякому! Нет, ему этово ишшо мало! Хто попадёт под руку – топор дак топор, лопата дак лопата - с этим и гонят её по всёй деревне! Это ишо дивья, што Дашка на ногу лёгка. А то вить доведись ему хочь раз догнать – убил бы!

А мой-от, Христос с ним, напьётца и спит. Што телёнок. Сроду худово слова не сказал. Не матери, не мне, не ребятам... И оне об нём с ума сходят.

Нет уж! Два года терпела это вино, ишо потерплю. Не век же пить будет!

Ну, раз надумала терпеть, слёзы высохли... Маленько посклыктывала да и задремала..

«Ой-ой, мамы родимы! Отлежала руку-ту во сне, висит как плоть! Вот дак изработалась я сѣдни... Сколь стыда-то! Ишо я худо живу!?!...»

И поспала-то недолго, с полчасака если. А бытто вся жись пере-менилась! Голова просветлела.

Да я счево худо-то живу?!

Избу нову поставили. Полну ребят нарожали. Чево што не каждой день умыть их успеваю? Не нами сказано – толше грязи, шире рожа. Вырастут, сами обмоютца..

На работе без меня никово сделать не могут. Уважают.

Мужик пьянай валятца? Да и лешай с ним! Хочь не валяйся! Зато не мешат никово делать, под ногами не путатца. Деньги не учитыват. Сама себе хозяйка!

Дефки-и-и!!! Дак кака у меня жись-то хороша! Красота-то кака кругом!

Корова эвон ревмя ревет̄ дождатца не может, ковды хозяйка сена бросит да доить сядет..

... Ребята на крылечке тоже ревет̄ь надцелись, ись отошшали. Дождиают, штоб сопли вытерла да ужной накормила...

.. Не забыть бы опосле мамаше на ночь крыльца намазать жаловалась утресь, мол разламыват. А давеча гляжу, идѣт по ограде, вроде как-то на леву ногу стала припадать.. Коленки тоже нады будет натереть. Года-то не маленьки, не худо пристаѣт.. Не я, дак хто еѣ пожалет?

Семѣна окинуть не помешало бы – околѣт да, не дай Бох, захворат .. А здоровенькай-то проспѣтца, ишо ково-нить родим. Не остарели.

Потеряли меня все.. А я, бестыжа рожа, в сене разлѣживаюся! Нады сползат̄ь с поветей-то...

Ну?! Да как што я не счастлива?! Ково ишшо этим бабам нады?!